

Глава 14

Испытание гласностью

13 июля 1988 года журналисты телевидения, радио и всех центральных газет впервые в истории были приглашены на заседание Президиума Совета Министров СССР. Пожалуй, этот факт можно считать началом новой эпохи в деятельности Правительства страны — эпохи гласности, открытости, его прямого обращения к народу и диалога с ним.

Да, это был, можно сказать, революционный шаг в развитии демократии и перестройки в целом, ибо на протяжении десятилетий все, что происходило за Кремлевской стеной, оставалось неведомым «простым» людям, гражданам страны. Постановления и распоряжения Правительства принимались узким кругом облаченных властью лиц, без какого-либо общественного «пригляда». Вот мы и решили исправить эту историческую несправедливость и ввести народ с помощью телевидения, прежде всего, а также радио и прессы в Кремль, на заседания Совета Министров, когда обсуждались и решались наиболее актуальные, крупные, по-настоящему волнующие широкий круг людей вопросы экономики.

Увы, эта практика продержалась ровно столько, сколько существовало наше Правительство. После его отставки, насколько я мог заметить, уже не было ни одного заседания сменившего его Кабинета Министров и следовавших за ним аналогичных структур исполнительной власти, где «присутствовал» бы народ как зритель и слушатель и вместе с тем — высший контролер и судья всему, что совершается от его имени. Сегодня демократия, гласность формально соблюдаются: зритель видит на телеэкране картинку, изображающую, скажем, факт заседания Правительства, а иногда даже слышит несколько слов председательствующего. Но

он не получает информации о позициях выступавших, аргументах за или против того или иного решения, не видит тех, кто вершит его судьбы. И говорить при этом о стремлении Правительства к открытости, к демократическим формам своей деятельности — значит издеваться над здравым смыслом. Думаю, что вновь опущенный занавес, фактически скрывающий от публики процесс обсуждения и принятия самых важных решений, есть прямое и неизбежное следствие все более антинародной, антигосударственной по своей сути политики ныне власть предержащих.

Нам же было нечего и некого бояться: мы открыто шли к демократизации общества не на словах, а на деле, к управляемому в интересах населения и страны социалистическому рыночному хозяйству, где при наличии государственной была бы и коллективная, и частная собственность на средства производства. Людям, выступавшим перед всем народом (а это были не только министры, но и крупнейшие специалисты, ученые, практики, а нередко — и представители трудовых коллективов), не нужно было скрывать своего авторства, когда они в порой острых спорах выдвигали те или иные аргументы и предложения. Ведь, как правило, высказывались мысли, чувства, настроения, интересы всего населения или каких-либо его слоев и групп.

Ну, а как быть теперешним руководителям, которые не могут не понимать, что вся их политика в корне расходится с глубинными и даже текущими интересами фактически всего населения страны, если не считать горстки нажившихся на всестороннем обнищании и позоре еще недавно великого государства? Ведь в такой ситуации появиться перед народом без маски, признаться в авторстве, раскрыв подлинный смысл решений, все равно, что собственными руками составить обвинительное заключение самому себе. Вот почему так судорожно цепляются они за власть, не брезгуя при этом любыми провокациями и беспредельной ложью, вот почему под лозунгом демократии в стране все откровеннее формируется авторитарно-бюрократический режим. Между властью и населением возводится все более непроницаемая, глухая стена.

Мне могут сказать: как же так — а многочисленные брифинги, пресс-конференции, презентации и прочие новомодные формы явления наших «мессий» народу? Разве там не звучат вопросы и ответы? Звучат. Но чаще всего, если говорить о высшем звене государственного управления, отпетированные вопросы и точно такие же ответы. И они,

как правило, не дают представления о подлинных целях и мотивах действий тех или иных руководителей, о их настоящем лице.

Но я опять отвлекся на постоянные горестные, не оставляющие в покое душу ни на час, размышления о нынешнем состоянии страны и ее, к сожалению, безрадостных перспективах при продолжении нынешнего курса на криминальную капитализацию и авторитаризм. Вернусь к невольно прерванному рассказу.

Итак, принимая в 88 году решение об изменении самого характера взаимоотношений между центральной исполнительной властью и населением, мы исходили не только из соображений политического характера. Нет, нас ориентировала на это и социально-экономическая действительность. С каждым днем она становилась все более сложной. Да и экономические реформы принимали масштабный характер. Складывающаяся ситуация настоятельно требовала совета с народом, реального учета различных, вплоть до противоположных, мнений, оперативного разъяснения людям необходимости тех или иных поворотов в хозяйственной политике, их причин и следствий. Только при таком подходе к делу можно было рассчитывать на реальную поддержку обществом нововведений в экономической политике.

И еще: положение Правительства в системе органов управления, когда оно обязано было исполнять решения, принимавшиеся в ЦК, но отвечало за них в глазах людей и при этом не имело сколько-нибудь серьезных возможностей объясниться с ними, обрекало высшую исполнительную власть в государстве на роль беспомощного «мальчика для битья», на которого всегда можно было свалить чужие ошибки. Я чувствовал, что такое положение необходимо было ликвидировать как можно скорее, что нужна новая система отношений между партийной, представительной и исполнительной властями на высшем государственном уровне. А это означало, что должна быть разрушена или хотя бы нарушена монополия ЦК партии на информацию, что нужно создать каналы, по которым она свободно циркулировала бы «сверху вниз» и обратно. Так мы пришли к идее организации впервые в отечественной истории совершенно новой структуры в государственном аппарате — Отдела информации Совета Министров СССР, и весной 1988 года я подписал соответствующее Постановление.

Для меня было очевидно, что по функциям и задачам это должно быть подразделение, во многом отличное от

других в составе аппарата Правительства, и поэтому я установил подчинение нового Отдела непосредственно Председателю Совмина. Практика быстро показала, что это было единственно верное решение: ведь каждое дело, начинавшееся этим подразделением аппарата, было совершенно новым, а значит, объективно направленным против устаревших традиций, вошедших в плоть и кровь всех структур Правительства. Столь же ясным было и то, что вводить любые новшества можно было только при активной и постоянной поддержке его главы и Управляющего делами (Михаила Сергеевича Смиртюкова, а затем Михаила Сергеевича Шкабардни). И такая поддержка была обеспечена.

Как я уже сказал, мы начали с того, что подключили к освещению деятельности Правительства самые мощные средства массовой информации — телевидение и радио. Конечно, о решениях Совета Министров, о других событиях, связанных с его деятельностью, общественность получала информацию и раньше. Но только теперь — и опять-таки впервые в истории высших звеньев государственной власти — миллионы людей «вошли» в Овальный зал в здании Правительства в Кремле. Они увидели, как оно работает, услышали, в каких острых дискуссиях проходит обсуждение наиболее важных вопросов, узнали, насколько взвешенно принимаются решения, непосредственно касающиеся их интересов, жизни страны.

Не менее важно и то, что руководители самого высокого ранга и другие участники заседаний, проходивших под пристальным глазом телекамеры, острее почувствовали свою ответственность перед обществом, перед народом. У меня сложилось тогда вполне отчетливое впечатление, что участники заседаний Правительства стали готовиться к обсуждению проблем основательнее, что выступления и дискуссии проходили более принципиально, что все стремились донести до миллионов телезрителей свою точку зрения на те или иные вопросы. Возможно, кто-то и боялся назвать вещи своими именами, не хотел выносить на всю страну сор из своей ведомственной избы, но плюсы от такой формы работы явно перевешивали подобные издержки.

А возьмите, скажем, такой прием: на заседании глава Правительства публично поручает кому-то из своих заместителей или министров решить волнующий людей вопрос — например, ликвидировать заторы в портах и на железнодорожных узлах, и в строго определенный срок доложить

об этом Совмину, а также выступить по телевидению с отчетом перед общественностью о результатах своих действий. Представляете себе, насколько эффективнее работали все, кому предстояло отвечать за выполнение поручения не только перед Правительством, но и перед всей страной?!

Возможно, эту книгу прочтут не только те, кто помнит наше стремление сделать работу Правительства открытой для населения, понятной ему. Поэтому поясню. Конечно, мы не могли в «Репортаже с заседания Совета Министров СССР» воспроизвести слово в слово все многочасовое заседание. Но к чести тогдашних работников Центрального телевидения скажу, что они умели мастерски выжать из каждого выступления все самое главное, сохранить, как писала одна из газет, порой нелицеприятные для некоторых участников заседания кадры и передать атмосферу, в которой оно проходило. И буквально на следующий день все желающие уже видели и слышали, что и как обсуждалось в Совете Министров и какие решения были им приняты.

А желающих, судя по откликам, были многие миллионы: эти передачи смотрела вся страна, как почти через год стала по ночам смотреть репортажи с заседаний Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. С заседаний же ЦК и Политбюро до самого конца их существования подобной передачи так и не было. У меня осталось впечатление, что Горбачев, провозгласив гласность, боялся ее — подлинной, не фальсифицированной — больше всего. Недаром после первой нашей передачи, о которой я упомянул чуть выше, он весьма недовольным тоном сказал мне: «Так вы что там, уже совсем разделись перед телекамерой?!»

Однако, несмотря на подобное отношение со стороны Генсека и его окружения, мы не отступали от линии на все большую открытость в деятельности Правительства. Это ставило его под контроль народа, укрепляло связь с ним. Но, как и всякое сильное средство, мы использовали гласность в нашей работе достаточно осторожно, тщательно выбирая для телевизионного показа обсуждение именно самых крупных вопросов жизни страны, в том числе тех, по которым существовали различные точки зрения.

Например, много жарких и даже жестких споров было в обществе по поводу строительства канала Волга-Чограй. На заседание Президиума Совета Министров, обсуждавшего эту проблему в апреле 89 года, были приглашены ученые, специалисты сельского хозяйства, мелиораторы, руководители органов Советской власти на местах и ряда ведущих

государственных учреждений. И, конечно, пресса, в том числе телевидение. Люди из первых уст узнали аргументы за и против этого строительства, поняли, что вынесенное Правительством решение о приостановке работ на канале — единственно верное.

Возникали ситуации и посложнее. Всем памятли первые волнения в угледобывающих районах. Шахтеры работали и жили (как, впрочем, и поныне) действительно в тяжелых условиях, которые явно не компенсировались уровнем их заработной платы и степенью социальной защищенности. Между тем в стране начала осуществляться хозяйственная реформа, стало ощущаться реальное движение к большей экономической свободе, самостоятельности. Этим не преминули воспользоваться некоторые и особенно — новые экономические структуры, где труд был несопоставимо легче шахтерского, а заработная плата неоправданно высока по сравнению с реальным вкладом в национальный доход. Все это происходило на фоне возрастающих трудностей в снабжении населения некоторыми товарами широкого потребления и продовольствием, постоянно возникающих, а точнее — во многом целенаправленно создаваемых силами, заинтересованными в дестабилизации обстановки. В общем, костер разгорался и по объективным, и по субъективным причинам. Он искусственно и искусно раздувался политиками, рвавшими любой ценой к власти.

В таких условиях шахтерам и Правительству нужен был абсолютно честный взгляд на реальное положение вещей, нужна была правда. И думаю, что с этой точки зрения стали очень важными встречи представителей всех шахтерских регионов со мной и некоторыми другими членами Правительства. Наиболее масштабная из них состоялась 17 ноября 1989 года в Кремле, в зале заседаний Верховного Совета СССР, в ходе которой удалось договориться по многим вопросам. И опять — подробный, полуторачасовой объективный показ ее по Центральному телевидению.

Написал я эти строки и поймал себя на мысли о том, как же тесно, неразрывно связана в современном мире проблема государственного управления с информацией, гласностью, постоянным учетом настроений населения! И мы, с каждым днем острее чувствуя это, всячески поддерживали практику всенародного обсуждения самых сложных вопросов хозяйственной и общественной жизни в прямых телевизионных передачах цикла «Проблемы — поиски — решения», проходивших с участием заместителей

Председателя Совета Министров и министров, известных ученых. Вместе с телезрителями, для которых было представлено 20 телефонов в телестудии, они обсуждали вопросы развития ведущих отраслей экономики, проекты важнейших государственных решений и законов. В годы работы нашего Правительства людей интересовали проблемы собственности в СССР, соотношение прав и обязанностей общесоюзного Центра и республик, качество продукции и защита потребителя, различные аспекты совершенствования хозяйственного механизма, социальной и правовой защиты населения, вопросы экологии, развития науки, образования и культуры и т. д. Ведущим этих передач был известный политический обозреватель Лев Александрович Вознесенский.

Результаты таких обсуждений не растворялись бесследно в телеэфире: все вопросы, как и письма, поступавшие в ответ на каждую передачу, тщательно группировались и передавались для изучения и рассмотрения в заинтересованные министерства и ведомства. Это была большая и очень полезная для всех звеньев управления работа.

Жизнь, нараставшие требования и острота событий в обществе постоянно требовали от Правительства столь же динамичных изменений как в области собственно управленческих решений, так и в области информации. Поэтому, в частности, мы пошли на то, чтобы члены Президиума Совета Министров, несмотря на всю их занятость, изыскивали возможность для выступлений в новой телевизионной рубрике «Актуальное интервью». Это была регулярная ежемесячная передача, в рамках которой обществу давался своеобразный отчет о том, что Правительству удалось реально сделать для улучшения положения дел в народном хозяйстве, анализировались и разъяснялись вопросы текущей экономической политики.

Настал, однако, день, когда и мне пришлось включиться в эту работу. Я почувствовал — из писем, поступавших в Совет Министров, из встреч с жителями разных регионов, где я бывал в то время в служебных поездках, из контактов с представителями трудовых коллективов, с журналистами, — что люди ждут ответов на мучившие их вопросы прежде всего от главы Правительства. И я принял решение еженедельно выступать самому по Центральному телевидению.

Скажу прямо, это оказалось нелегким делом. Оно требовало не только тщательной подготовки к каждой передаче (мы называли этот цикл «В Правительстве СССР»), но и

определенной психологической ломки: я почувствовал, что отвечать на вопросы корреспондента перед телекамерой намного труднее, чем, скажем, на заседании, когда ты видишь глаза его участников и чувствуешь их реакцию. К тому же эти передачи не могли быть слишком длинными, и фактор времени — необходимость рассказать о проблемах и просто, и содержательно, и вместе с тем кратко — поначалу заметно сковывал меня. Но уже после первого выступления, когда я пытался придерживаться заранее отработанного, отшлифованного текста, мне стало ясно: только живой разговор, на глазах у телезрителя рождаемый, дойдет до его разума и сердца, даже если в речи будут какие-то шероховатости. Их простят, несмотря на погрешности формы, если будет честное и глубокое содержание. С тех пор я взял за правило не связывать самого себя своим же текстом, а всегда иметь перед собой лишь план выступления и основные цифры.

На передачи цикла «В Правительстве СССР» поступали многочисленные отклики — от публикаций в печати до личных писем в мой адрес. Приведу небольшие отрывки из этой почты.

«Хотела бы поблагодарить телевидение, позволившее вот так, что называется, с глазу на глаз, встретиться с главой нашего Правительства. Все-таки есть разница, когда Н. И. Рыжков выступает с докладом перед депутатами и когда слушаешь честный и доходчивый разговор о нашем положении. Побольше бы таких встреч» (Н. Гуляева, Москва).

«Я, инвалид Великой Отечественной войны, пенсионер, прослушал два Ваших последних выступления по Центральному телевидению и был восхищен Вашим мужеством в последовательном отстаивании идеи перестройки в нашей стране в пользу Советского народа. Держитесь и дальше так! Простые люди на Вашей стороне» (Н. А. Овсянников, Саранск).

«Не сдавайтесь, Николай Иванович! Народ видит, кто есть кто. Продолжайте Ваши передачи по телевидению, больше конкретики» (М. И. Боровкова, Нальчик).

«Хочу поблагодарить Вас за защиту нашу, за адскую работу и за сверхтерпение от нападок карьеристов. И еще один маленький совет: постройте с экрана на все наше разгильдяйство!» (В. Н. Гапшене. Алитус).

«В последнее время у нас появилась очень даже необходимая программа — передача «В Правительстве СССР». Ни одно письменное обращение, ни одно постановление не

дает такую положительную отдачу, как живое слово, обращение прямо к людям. Пусть Н. И. Рыжков, занятый многочисленными проблемами сегодняшнего дня, не жалеет этих минут для нас. В его выступлениях постоянная забота о всех людях, искреннее стремление сделать нашу жизнь лучше, найти выход из трудного положения, в котором находится наша страна. Мы это видим, чувствуем и очень ему за это благодарны, так ему и передайте. И еще желаем ему доброго здоровья, выдержки и терпения» (М. П. Ладыгина, Щучинск).

Чувствую, однако, что пора остановиться в этом цитировании, которым мне хотелось передать реакцию людей из всех уголков Союза на прямое обращение к ним. Эти отклики, в которых содержались, конечно, и критика положения дел в стране и тех или иных шагов Правительства, и конструктивные предложения, являлись для меня огромной моральной поддержкой в то трудное время, и в душе моей по сей день живет искренняя благодарность их авторам.

Рассказываю я об этом не только потому, что в памяти свежи воспоминания о моих первых «профессиональных» шагах на телевидении, но, главным образом, потому, что любая мысль о прошлом невольно выводит меня вновь и вновь на размышления о настоящем и будущем. И думаю я: за эти годы многие поднаторели в публичных выступлениях, в политику пришли люди с хорошо подвешенным языком, с умело приклеенной улыбкой на губах. Но как же бесцеремонны эти говоруны по отношению к телезрителям и радиослушателям, которые становятся жертвами политиканского, по сути своекорыстного красноречия! И если Козьма Прутков учил: «Не верь глазам своим!», то ныне, в эпоху господства электронных средств массовой информации, он бы, наверно, изрек так: «Не верь ушам своим!»

Как же труден путь честной политики в стране, где целые пласты народа не научены и даже отучены мыслить самостоятельно по вопросам экономики, политики, идеологии! Как еще много людей, не способных за яркой словесной оберткой увидеть историческую фальшь, теоретическое убожество, неприкрытый популизм! Никого не виню в этой интеллектуальной инфантильности, а лишь думаю, сколько труда еще предстоит положить обществу, чтобы воспитать поколения, которых никто, никакие политические наперсточники не сумеют обмануть и повести за собой в никуда, в пропасть...

Обратимся, однако, вновь к теме этой главы. Я начал с рассказа о нашем сотрудничестве с телевидением и радио. Но, конечно, мы не пренебрегали и печатью. Журналисты, работавшие в основных газетах, постоянно приглашались на важнейшие, наиболее интересные для народа заседания Совета Министров и его Президиума. В считанные часы в Правительстве готовились достаточно емкие информации, в которых мы старались сохранить и аналитичность, и критичность, и остроту обсуждения проблем. Материалы срочно направлялись в ТАСС (напомню — Телеграфное Агентство Советского Союза) для обнародования в вечерних изданиях этого или утренних следующего дня.

Руководители Правительства в эти годы постоянно участвовали в, как мы их называли, «Встречах с прессой». Результаты этих встреч не только публиковались в печати, но и передавались в тот же день по телевидению и радио. Особенно памятны ежедневные такие встречи в Армении, после постигшего ее трагического землетрясения в декабре 1988 года. На них собиралась вся пресса — советская и зарубежная, и руководители Совмина, министерств и ведомств сообщали журналистам самые последние сведения, отвечали на множество острых — иными в той обстановке они и быть не могли — вопросов. Этот опыт был использован и в дальнейшем. Встречи проходили, как правило, раз в две недели, а при необходимости и чаще.

По просьбе главных редакторов ряда газет и журналов я стал приглашать примерно двадцать руководителей средств массовой информации к себе, в Кремль, на так называемый «Час прессы». Чаще всего он, конечно, выходил далеко за рамки «часа», но я не жалел этого времени. За чашкой чая или кофе шел откровенный обмен мнениями по самым разным вопросам жизни страны. Скажу вполне искренне, я получал от такого общения не меньше пользы, чем, надеюсь, мои гости. К сожалению, эти встречи из-за моей все возрастающей занятости и «задерганности» срочными проблемами были не так регулярны, как хотелось, но они все же помогали уточнять и сближать позиции «сторон», находить определенное взаимопонимание.

А это с каждым днем становилось все более необходимым. Усилиями дестабилизаторов, начиная с вечно неустойчивого Горбачева, озабоченного сверхзадачей собственного самосохранения в качестве лидера партии и государства, экономика, социальная сфера, политика и идеология шли враз-

нос. Пора было искать «мальчика для битья», на которого можно было бы свалить всю ответственность за свои, мягко говоря, промахи. Впрочем, его и искать не надо было: им могло быть только Правительство, отвечавшее за состояние дел в основной сфере жизни — в экономике. Хотя крупнейшие решения принимались в Политбюро, а впоследствии в президентских структурах, но ответственность за их выполнение возлагалась лишь на органы исполнительной власти.

При полной монополии ЦК на средства массовой информации, как я уже говорил, Правительство своих печатных изданий, теле- и радиопрограмм не имело, и мы были вынуждены всячески маневрировать, чтобы наш голос вовремя и без искажения был услышан общественностью. Положение усугублялось тем, что идеологическая монополия Горбачева, Яковлева и К^о сопровождалась полнейшим попустительством и прямой их поддержкой тех органов массовой информации, которые занимали откровенно антиправительственную позицию, вплоть до систематической травли Совмина. Особенно преуспели в этом отношении газеты «Социалистическая индустрия» — орган ЦК КПСС и «Московский комсомолец». И с каждым днем становилось очевиднее, что откровенное натравливание прессы на Правительство являлось прямым следствием все более полного слияния интересов Горбачева и его группы с интересами деструктивных сил.

Правительству как воздух нужен был свой рупор, свой печатный орган. И мы приняли решение создать газету — «Правительственный Вестник», тем более что такое издание существовало после Февральской и какое-то время после Октябрьской революций. Но, Бог мой, какую же драку мне, члену Политбюро, пришлось выдержать тогда из-за этого издания с клеветником Горбачева В. Медведевым (прошу не перепутать его с вполне порядочным «человеком за спиной»)! По всем параметрам пытались они, вкупе с Идеологическим отделом ЦК, свести газету чуть ли не к какому-то служебному листку. Обкорнали все, что смогли, затормозили выпуск месяца на четыре, — но все же новый, 1989 год мы встретили со своей газетой.

В моем обращении к читателям, опубликованном в ее первом номере, было, в частности, отмечено, что «с демократизацией политической системы, углублением радикальной реформы экономики возрастает потребность в расширении гласности в сфере государственного управления,

в регулярном информировании общественности о деятельности Правительства. В этом — главная задача нового издания».

Создавая газету, мы исходили из того, что порой люди неоднозначно, а то и превратно трактуют суть тех или иных процессов и событий в социально-экономической жизни. Доходчиво знакомить читателя с официальной точкой зрения, раскрывать суть и значение принимаемых решений было основной задачей нашего издания.

Мы хотели с его помощью дать, говоря словами моего обращения, представление о том, как готовятся и принимаются правительственные решения. «За каждым из них стоит обобщение огромного массива информации, практического опыта, их тщательный анализ, столкновение мнений, учет множества обстоятельств. Через репортажи с заседаний Совета Министров СССР и наиболее важных заседаний его Президиума вы узнаете, как работает сложный механизм принятия решений, почему победила та или иная точка зрения, чем при этом руководствовались.

Через эту газету читатели смогут принять участие в обсуждении государственных вопросов, своими предложениями, идеями оказать влияние на работу правительственных органов, оценить их деятельность».

И нужно сказать, что в какой-то мере газета эти надежды постепенно стала оправдывать. В ней выступали члены Президиума Совета Министров, министры, производственники, специалисты, крупные ученые, представлявшие различные сферы знаний. У газеты появился свой круг подписчиков и читателей.

Конечно, я понимал, что появление «Правительственного Вестника», пробивая еще одну брешь в информационно-пропагандистской монополии ЦК, не решает все же проблемы достаточно широкого, самостоятельного выхода Совмина и других высших органов исполнительной власти на общественность страны. Поэтому я направил в Политбюро записку, в которой совершенно четко поставил вопрос: почему, когда соотношение ветвей власти меняется в демократическом направлении, все газеты, как и другие средства массовой информации, продолжают находиться в руках ЦК партии? Я предложил передать часть газет в ведение Совета Министров и ряда других высших звеньев государственного управления. Например, Госстрой мог бы иметь свой орган — «Строительную газету», машиностроительный комплекс — «Социалистическую индустрию», Госплан или Совмин —

«Экономическую газету», Минсельхоз — «Сельскую жизнь» и т. д. За Центральным же Комитетом надо было оставить газеты и журналы партийного, общественно-политического, идеологического характера. Это же гигантская сфера работы, огромный круг проблем!

Казалось бы, идея вполне разумная, тем более что эту акцию я предпринял после XIX Всесоюзной партийной конференции, где было прямо сказано: партия отраслевыми хозяйственными проблемами заниматься не будет и в соответствии с этим даже ликвидируются отраслевые отделы ЦК КПСС. Поддержки в Политбюро я не получил. Видимо, слишком глубоко въелось в плоть и кровь Горбачева, Яковлева, Медведева и им подобных убеждение в том, что на истину должна быть их монополия, что людям достаточно знать только ту правду, какую отмерят им чиновники от идеологии.

Сказались здесь и другие факторы. Не перечисляя их, назову единственный, но далеко не последний: Горбачев всегда ревниво относился к Правительству, к тому авторитету, который был у Председателя Совета Министров и ряда его заместителей. Мы видели, что возрастающая и более самостоятельная роль Совмина в обществе раздражала Генсека все сильнее и сильнее. Ему был нужен карманный премьер, механический исполнитель его воли. И нужно прямо сказать, что Генсек не упускал случая перехватить у Совмина и у меня любые политически значимые инициативы.

Приведу лишь один пример. Главный редактор «Труда» обратился ко мне с просьбой встретиться с 15—20 рабочими — наиболее активными читателями газеты, которые хотели бы «обсудить ряд особо острых, актуальных проблем жизни трудовых коллективов, высказать свой взгляд на ход перестройки, на пути решения возникших социально-экономических вопросов». Запись беседы предполагалось опубликовать в газете, выходившей в то время тиражом 20 миллионов экземпляров. Я был готов провести такую встречу, поскольку понимал, что откровенный разговор с рабочим классом в это время был крайне необходим. Однако по тогдашним правилам я, как член Политбюро, должен был проинформировать Генсека по этому поводу. На моей записке Горбачеву, направленной в январе 1989 года, тот начертал: «Николай Иванович! Поскольку есть планы о беседе в ЦК (и поскольку уже я распорядился готовить ее после городской конференции,

где нас покритиковали), то я за ответы на вопросы. А с рабочими встретимся».

И, действительно, встретились — с опозданием месяца на три-четыре, хотя ложка, как известно, дорога к обеду. И к тому же встреча получилась практически бессодержательной: Горбачев умел и любил слушать только самого себя. Как обычно, он утопил попытки анализа и критики со стороны выступавших в потоке собственного словоизвержения, и никакого влияния на положение дел встреча не оказала.

Так что борьба за гласность, открытость политики, прежде всего — экономической, шла в разных формах с переменным успехом. Там, где могли, мы принимали самостоятельные решения. Скажем, в Совмине был отменен существовавший десятки лет запрет на выступления в прессе его работников без согласования с руководством. В 1990 году выпустили две очень серьезные книги — «Экономическая реформа: поиск решений» и «Трудный поворот к рынку». Думаю, они полезны и сейчас. Подготовили к выходу в свет книгу «Советское Правительство: кто есть кто». Одна за другой появлялись шедшие нарасхват тематические брошюры с официальными документами по волнующим широкий круг людей проблемам.

В связи с моим отчетом XXVIII съезду КПСС 485 делегатов задали мне около 600 вопросов. Мы долго ломали головы над тем, что же делать с ними? Отвечать на каждый — понадобится два дня заседаний, не меньше. И тогда, по-моему, впервые в практике таких форумов были даны ответы на все вопросы в оперативно подготовленной брошюре, которая была роздана каждому делегату Съезда.

Немало моих выступлений, интервью было опубликовано в зарубежных газетах и журналах, показано в документальных телефильмах и передачах. Особенно тепло вспоминаю о состоявшейся в марте 1989 года беседе с 33 женщинами, представлявшими двадцать стран и являвшимися членами Московского международного пресс-клуба журналисток. Это был удивительно искренний с обеих сторон и содержательный разговор.

Работники Совета Министров принимали участие в международных конференциях по проблемам гласности, демократизации страны. Информация о том, что и как делалось для этого в Совете Министров СССР, по доходившим откликам, воспринималась с огромным интересом и уваже-

нием, тем более что многие формы работы в этом направлении в высших государственных органах других стран не применялись. Отдел информации посещали послы и пресс-атташе ряда иностранных представительств в Москве, зарубежные деловые люди. Советские и иностранные корреспонденты получали в Отделе информацию по волнующим их вопросам — в кризисные дни такая телефонная «горячая линия» работала с утра до ночи. В аппарате Правительства появились первые факсы и другие современные средства оперативной передачи и поступления информации. Было подготовлено помещение для встреч руководителей и специалистов Совмина с корреспондентским корпусом, разработан план создания собственной мощной издательской базы, теле- и радиостудий и т. д.

Понимая, что гласность «работает» только тогда, когда она проникает повсеместно, мы использовали любые возможности для ее поддержки и распространения. Так, Совет Министров принял решение внести от имени Советской Стороны предложения по расширению гласности в деятельности Совета Экономической Взаимопомощи. Они были представлены руководящим органам СЭВ осенью 1988 года. К сожалению, на реализацию этих предложений ход событий в социалистических странах Восточной Европы нам времени уже не оставил.

Иногда приходилось решать и вопросы, входившие, казалось бы, в компетенцию ЦК. Так случилось, в частности, в том же году, в период подписной кампании на газеты и журналы. Это было время, когда изголодавшиеся по гласности и открытости люди жадно поглощали любую информацию из всех доступных им источников. И вдруг из-за резко возросшей потребности в бумаге были введены ограничения в подписке на 44 популярных в то время издания. Волна возмущения в связи с этим не шла ни в какое сравнение с недовольством от перебоев в снабжении стиральным порошком и даже сигаретами. Судя по письмам в Правительство, в органы информации, люди восприняли лимитирование подписки как «заслон гласности», покушение на нее, на демократию, на перестройку. Проблема быстро приобрела остро политический характер. Нам пришлось срочно вмешаться в сложившуюся ситуацию. Совет Министров тщательно изучил ее, изыскал дополнительные ресурсы бумаги, разработал меры по увеличению ее выпуска и обязал Министерство связи и Комитет по печати снять ограничения в подписке на 1989

год. Обстановка разрядилась — читатели получили приглянувшиеся им издания.

Так было всего пять лет назад. А что сейчас они, эти читатели, стали ли чаще выписывать газеты и журналы после «победы демократических сил»? Сравним данные по России за 1990 и 1993 годы. Число журналов и других периодических изданий уменьшилось более чем на треть, их годовой тираж сократился в 12 раз. Это ли не выражение деградации гласности, информированности населения, демократии на словах и антидемократизма на деле? Ну, а современный метод решения этой проблемы, как и многих других, самый простой и наиболее эффективный — экономическая удавка на шеях и читателей, и издателей.

Словом, из уже сказанного достаточно ясно, что прокладывать первыми пути гласности, прививать демократические начала в деятельности государственных структур было непросто. И нужно сказать, что ситуация осложнялась для нас не только нежеланием ЦК потерять монополию на управление средствами массовой информации. Не меньшие, а может быть, даже и еще большие трудности испытывали мы в проведении линии на открытость для общества из-за деструктивной позиции тех, кто ставил своей задачей любыми средствами перечеркнуть все, связанное с советской эпохой жизни страны. Добавьте к этому набирающие силу и темп политические потрясения и изменения. Все более очевидное бессилие высших управленческих структур в стране — ЦК, Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР, не говоря уже о Президенте, — создавало тяжкую атмосферу, в которой приходилось работать Правительству, министерствам и ведомствам, местным органам власти по управлению народным хозяйством.

С учетом всех этих обстоятельств Правительству нужна была, во-первых, буквально ежедневная, если не ежечасная информация о публикациях в печати, на телевидении и радио, чтобы иметь возможность сразу же реагировать на биение пульса общественного мнения. Во-вторых, необходимо было объединить разные каналы и формы информации, поступавшей в Совмин, резко повысить уровень ее анализа. Исходя же из него следовало срочно вырабатывать меры активного противодействия курсу на разрушение существующего общественного строя.

Чтобы решить эти задачи и перейти в контрнаступление, нужно было иметь свой мощный аналитический и информационно-пропагандистский центр.

Кстати, еще на первых этапах работы нашего Отдела информации мы попросили ТАСС изучить вопрос о том, что представляют собой информационно-аналитические службы в правительствах разных стран, и получили очень интересные и полезные материалы. Оказалось, подобные структуры с широчайшими финансовыми, техническими и другими возможностями для всей системы государственного управления и ее связи с общественностью давным-давно функционируют во всех мало-мальски развитых странах. Во многих из них утро глав правительств начинается с изучения подготовленной, обработанной за ночь наиболее важной информации и выдачи соответствующих распоряжений органам управления.

В быстро осложнявшейся обстановке пришлось сначала ограничиться выполнением программы-минимум: сотрудники нашей информационной службы делали все, чтобы к девяти на столе у Председателя Совмина лежал обзор основного содержания газет и журналов всех политических направлений и передач телевидения и радио. Такие весьма квалифицированные обзоры прессы помогали ориентироваться в постоянно менявшемся круговороте событий, и я поручил своему Секретариату рассылать эти материалы всем моим заместителям для практического использования в работе.

Это была лишь первая и малая часть того, что мы наметили для решения информационно-пропагандистских задач, которые Правительству во все большей мере приходилось брать на себя. Но создать действительно мощную, технически оснащенную структуру, которая смогла бы противодействовать все более нагнетаемой рвавшимся к власти «демократам» волне тотальной лжи и истерии, с помощью чего они вели (и, увы, привели) народ, общество, страну на закланье, мы не смогли. Не успели.

И здесь я должен повиниться не только перед читателями, но, может быть, и перед самой Историей. Дело в том, что, отдавая себе полностью отчет в необходимости занять Правительству более самостоятельную позицию по многим вопросам жизни общества, в то же время я все же не преодолел до конца в собственной душе комплекса дисциплинированного члена партии, который, как и другие коммунисты всех поколений, считал себя обязанным безоговорочно поддерживать линию и решения ЦК. Будучи членом Политбюро, я выполнял его коллективные решения, указания Генерального секретаря и не выносил без

крайней необходимости наши разногласия с ним на суд общественности. Читатель вправе спросить: а как же борьба за гласность? Увы, в жизни прогрессивные тенденции, все общественные закономерности пробиваются и укрепляются через преодоление противоречий, в том числе в сознании и поведении каждого человека.

Все эти — большие и малые, объективные и субъективные — факторы переплетаются причудливо и порой играют роль поистине роковую. Так произошло и с нашим намерением создать правительственную службу, способную противостоять антигосударственной, антинародной идеологии, насаждаемой современными геростратами. Как только я пришел к выводу о необходимости такого решения, я тут же — это было в середине 1990 года — распорядился подготовить проект Постановления о создании Комитета информации Совета Министров СССР. Вскоре он был мне представлен. Сформулированные для Постановления основные задачи Комитета состояли, говоря обобщенно, в широком ознакомлении средств массовой информации и всей общественности страны с деятельностью Правительства СССР и его социально-экономической политикой. Не менее важной задачей было получение разносторонней оперативной информации от центральных, республиканских и местных органов государственного и хозяйственного управления и ее обобщение. Намечалось создать надежную систему анализа выступлений в прессе по актуальным проблемам социального и экономического развития, состояния общественного мнения.

За всем этим стояла идея организации такой структуры, которая позволила бы Правительству перейти от обороны к широкому и активному наступлению на антисоветские, антисоциалистические, антигосударственные, антинародные силы. От этого зависела и судьба программы достаточно плавного, максимально безболезненного для общества перехода к регулируемой, социально ориентированной рыночной экономике, а значит — судьба страны.

Проект такого Постановления я направил в свой Секретариат для подготовки к обсуждению Президиумом Совета Министров. А затем он... как бы растворился в атмосфере кабинетов и коридоров здания Правительства. Несколько раз напоминал я своим, как мне казалось тогда, проверенным совместной работой помощникам об этом документе, требовал ускорить его обсуждение, получал заверения в полной готовности к этому, но, задав-

ленный текущими событиями, так и не довел дело до конца. И только позднее, вспоминая ход событий, понял: это был совершенно сознательный саботаж, как уже сказано, жизненно необходимого и для самого Правительства, и для страны решения.

Теперь уже неважно, чем руководствовались те два-три человека, которые сумели проделать это. То ли они, донеся кому-то из партийных «боссов» о нашем намерении, выполняли их указание, то ли получили многообещающие предложения от лидеров оппозиции, то ли и то и другое совпало... Так или иначе, но не совершив более решительного, смелого поворота Правительства к самостоятельной, полномасштабной политической и информационно-пропагандистской работе, мы проиграли схватку, по существу не вступив в нее.

Наверное, в той ситуации мы не сумели бы полностью нейтрализовать психологическую диверсию «демократов», окончательно остановить процесс разрушения общества и страны. Но нужно было помочь огромным массам людей сбросить с глаз пелену всеохватывающего обмана, показать его подлинные цели и ужасающие последствия. А сделать это было вполне реально, создав совместно с ЦК партии и Верховным Советом свои каналы на Центральном телевидении и Всесоюзном радио. Ведь именно там, прежде всего, и формировался насквозь лживый образ советского государства, попирались исторические достижения общества, обгаживались отечественные святыни и нравственные ценности народа. И никакого противовеса этой циничной вакханалии не было! Так стоит ли после этого удивляться состоянию умов многих избирателей в те годы? Воистину, лучший метод обороны — наступление, но мы потеряли время. И вместе со своим тогдашним «полководцем» потерпели всей страной поражение в борьбе действительно исторического значения. Плюрализм мнений, который мы так пестовали, сыграл свою роковую роль. Помню, в те дни только на телевидении было пять (!) открыто оппозиционных передач. А сколько их в условиях «торжества демократии»? То-то...

И все же, подводя итоги нашей работы над развитием демократических начал в деятельности Правительства, я с чистой совестью могу сказать: в целом, при всех наших недостатках и промахах, оно испытание гласностью выдержало и, более того, положило начало ее проникновению в другие властные органы страны. Наш опыт, документы, определяющие задачи и функции, формы и направления работы, легли в основу организации подобных информаци-

онных структур во всех ветвях и на всех уровнях государственной власти.

Пожалуй, после такой исповеди мне в этой главе остается лишь поделиться своими выстраданными размышлениями о роли гласности в судьбе перестройки и самой страны.

Конечно, переход к гласности, как одной из важнейших и неотьемлемых характеристик демократии, был исторически необходим и неизбежен. Но, как убедительно показал опыт перестроечного и постперестроечного периодов, результат ее «деятельности» в обществе может быть диаметрально противоположным. Он напрямую зависит от того, в каких руках находятся средства ее реализации, прежде всего — телевидение, радио, печать. В чистых, порядочных — и гласность превращается в целительный скальпель, отсекающий умершие или больные ткани общественного организма, дающий простор развитию новых, здоровых элементов. В грязных, преступных — и она становится примитивной дубиной, способной только разрушать и уничтожать все вокруг, не различая хорошего и плохого, устаревшего и перспективного.

Гласность внесла в жизнь общества колоссальные изменения. С ее помощью была подорвана и даже разрушена во многом тогдашняя официальная идеология. Дело в том, что, несмотря на ее логичность, стройность и тотальную распространенность, у нее была своя ахиллсова пята — все более нараставший догматизм. Эта идеология покоилась на устаревших во многом или односторонне отобранных и не всегда объективно характеризующих фактах. Ей были присущи слишком робкое, все больше отстававшее от быстро изменявшейся действительности развитие теоретической базы, слабая связь с современной практикой, с объективными потребностями новой эпохи жизни человечества вообще и тем более — мира социализма.

Гласность же выплеснула, выбросила в интеллектуальный оборот множество неизвестных или малоизвестных фактов, позволила людям узнать различные точки зрения. В этом состояла ее сила, хотя она, гласность, и не принесла с собой никакой сколько-нибудь вразумительной теории, которая помогла бы правильно оценить эти факты и взгляды. И все же именно гласность раскрепостила умы миллионов и заставила огромную часть народа думать более самостоятельно, не обязательно только так, как предписывалось «сверху». Вот эта возросшая самостоятельность мышления и есть, на мой взгляд, главное достижение, которое принесла

с собой гласность. Она стала живительным кислородом, без которого были бы невозможны никакие другие перемены в обществе и от которого вместе с тем закружились, затуманились головы даже у весьма, казалось бы, просвещенных людей.

Однако только этими издержками дело не ограничилось. Выяснилось, что гласность может стать и угарным газом, способным незаметно, но быстро отравить не только разум отдельного человека, но и в значительной мере — общественное сознание. Для этого деструктивным силам нужно было совсем немного: захватить в свои руки средства массовой информации, прежде всего телевидение и радио, создать атмосферу идейной и нравственной вседозволенности и под флагом плюрализма мнений, гласности, свободы слова обрушить на страну поток грязной лжи, циничного обмана и примитивной по существу, но броско поданной демагогии. На головы людей посыпались абсолютно несбыточные клятвы и обещания. И вот такого дешевого коктейля оказалось достаточно, чтобы в кратчайшие сроки стали — пусть меня простят читатели за эти термины — буквально оболваненными, зомбированными огромные массы людей, включая значительную часть интеллигенции. А ведь Ленин был тысячу раз прав, когда писал, что истинно интеллигентный человек никогда ничего не возьмет на веру, что любое явление он обязательно пропустит через свой критический разум.

Правда, в последнее время большинство тех, кто слепо пошел за новыми лжепророками, почерпнувшими всю свою «мудрость» в основном у их западных наставников, во многом опомнилось и прокликает российских последышей Геббельса (помните: чем чудовищнее ложь, тем охотнее в нее поверят?). Но это не мешает мутному и дурно пахнущему потоку клеветы, грязи, обмана с помощью всех средств массовой информации по-прежнему изливаться на головы народа. «Народ безмолвствует», как сказал классик. Но почему?

На мой взгляд, прежде всего потому, что всем своим историческим прошлым люди в подавляющем большинстве не подготовлены к самостоятельному политическому мышлению и поведению. В такой ситуации любой демагог, в соответствии с буквальным смыслом этого греческого слова, может стать, пусть на время, «вождем народа». Так что благодарить за нынешнее состояние умов и общества в целом надо в первую очередь сусловых, яковлевых, медве-

девых и иже с ними, всячески втискивавших мировоззрение миллионов людей в жесткие рамки, видя в человеке лишь частицу общегосударственной машины, а не самостоятельную Личность.

Не буду, однако, преуменьшать этим историческим экскурсом «заслуг» и нынешних пастырей народа. Уничтожение еще недавно великой, тысячелетней державы, массовое обнищание, социальная незащищенность людей, чудовищное выхолащивание истории страны, глубокая деградация образования, всей культуры — в этих условиях народ, за малым исключением, может думать лишь о физическом выживании. Впервые за многие десятилетия люди потеряли уверенность в завтрашнем дне, в будущем своих детей и внуков. Народ потрясен масштабами и глубиной разрушения экономики и других сфер жизни общества. И все больше городских и сельских жителей понимает, что нынешнее падение уровня жизни неизбежно и неостановимо на путях дикой, антиправовой, криминальной капитализации страны, проводимой теперешними властями.

А в это время вопреки фактам повседневной жизни миллионам, скатывающимся в ряды безработных или месяцами не получающим даже скудную, чаще всего, заработную плату, волны эфира и печать несут бесчисленные уверения в том, что все хорошо, что вот-вот наступит рай, в котором тысячи новых буржуа станут чуть ли не из собственных рук кормить миллионы новых обездоленных. Люди все отчетливее понимают, что эти сказки — циничная ложь халифов на час, стремящихся любой ценой уйти от ответа перед оскорбленным, ограбленным, униженным народом.

Ну, а где же гласность, демократия, под знаменем которых общество шло на социалистическую перестройку, а затем было повернуто на капиталистическую перемолку? За ненадобностью и даже вредностью для теперешних властей эти институты выброшены на свалку, хотя приличия ради на словах их еще используют в качестве фигового листка, прикрывающего срамоту происходящего. Сомневающиеся — прочитайте лишний раз авторитарную ельцинскую Конституцию и посмотрите, что осталось там от прав трудящегося человека! Припомните, в каких «высокоразвитых» странах и на каких континентах президенты единолично отменяли Основные законы и расстреливали из орудий негодные им парламенты. Подумайте и над тем,

много ли нынче цивилизованных государств, где всем известные воры и мошенники, пробравшись на вершины власти, продолжают безнаказанно высасывать последние соки из страны и народа, набивая за их счет собственные карманы.

Все это возможно лишь тогда, когда демократия и прежде всего гласность превращаются в фикцию. Ведь гласность по самому смыслу своему предполагает публичное выражение различных точек зрения, вынесение на свет божий не только угодных тем или иным силам фактов, открытое и массовое их обсуждение. В нашей же стране сегодня у оппозиции нет ни одного, даже самого узенького канала регулярной и неподконтрольной информации ни на телевидении, ни на радио, а ее газеты душат экономически и административно, в критические же моменты прихлопывают вообще. Пропагандистские органы формирования общественного мнения хотели бы окончательно сделать из нас зомби: они внушают нам, что все должны думать так, как они. И многие люди начинают принимать за истину любой идиотизм.

Да, сегодня народ в основном аполитичен. Он не верит циничным журналистам и политикам, красноречивым псевдоинтеллигентам, не верит дискредитировавшим себя якобы демократическим средствам массовой информации. И эта аполитичность — во многом форма инстинктивной самозащиты от их тлетворного воздействия. Массы устали не столько от политики, сколько от лжи, грязи и крови, от того, что людьми манипулируют на потребу очередным претендентам на власть.

Однако и отечественная, и зарубежная история показывает, что подобное состояние народа не может продолжаться бесконечно долго. Настанет день, когда он вернет себе свои демократические права, и тогда возрожденная и подлинная гласность навечно поставит каинову печать на тех, кто покусился на судьбу великого народа.

Провозглашенная перестройкой гласность не стала, как задумывалось, генератором энергии масс, силой очистительной и созидательной. Она была превращена главным образом в орудие разрушения. Бурный, эйфорический всплеск долгожданной возможности свободного словоизъявления не мог сопровождаться столь же быстрыми, синхронными изменениями в политике и экономике. Естественный разрыв между идеями и желаниями, с одной стороны, и реальными возможностями — с другой, был

использован деструктивными силами для дискредитации целей и задач перестройки. В обществе возник синдром «исторического истерпения», при котором все происходящее в позитивном плане казалось слишком замедленным, воспринималось как нежелание властей немедленно превратить в жизнь устремления и чаяния людей. Это усиливало социальную напряженность, чем и воспользовались антисоциалистические силы, чтобы разрушить государство и его общественный строй. Таков жестокий урок, преподанный нам историей.